

Олег Славин
Погоня за
американской
МЕЧТОЙ

Диалоги через океан

Олег Славин

Погоня за
американской
МЕЧТОЙ

Диалоги через океан

BOSTON • 2024 • CHICAGO

Олег Славин. Погоня за американской мечтой
Диалоги через океан

Редактор Юлия Тимошенко

Oleg Slavin. Chasing American Dream
Dialogues Across the Ocean

Edited by Yulia Timoshenko

Copyright © 2024 by Oleg Slavin

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-37-1 (Paperback)

ISBN 978-1-960533-38-8 (Hardcover)

Library of Congress Control Number: 2024936224

Published by M•Graphics | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Cover Design by Larisa Studinskaya

Book Design by Bagriy & Company | Chicago, IL

📄 www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Printed in the United States of America

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	13
Письмо первое, к Л.Б.	
<i>Декабрь '2022</i>	15
Terra Incognita	17
Глас «Голоса Америки»	17
Время больших лотерей	19
Незванный гость	21
One way ticket	23
«Хорошо» от Immigration	25
Одноэтажная Америка	27
Золотых дел мастер	30
Нью-Йорк слезам верит	34
Не прощаюсь с комсомолом	37
Кому в Америке жить хорошо.	39
Ночные снайперы.	42
Праздник, который всегда с тобой	43
А что ты умеешь?	46
Harpening от слова Нарру	49
Мекка на Гудзоне	50
Город, который никогда не спит	52
Нью-Йоркский марафон.	56
Юбилей на повороте судьбы	58
Интервью в Голливуде	60

Письмо второе, к Ю.М.

Май '2023. 64

Свет в конце туннеля 66

LA vs NYC. 66

Тени в раю 68

Молчание ягнят 71

Возвращение из рая 76

Кадры решают всё 82

Я — газетный босс 87

Холодное лето 1996-го 93

Из князи в грязи... 100

Дом, который построил Майкл 108

Письмо третье, к В. К.

Июнь '2023. 115

На чужом пиру. 118

На чужом пиру похмелье 118

Мои университеты 122

Шерше ля фам («Приходите свататься») 127

Денежный сад 131

Институт имени меня 134

Несколько слов о себе 140

Три судьбы. Оля — птичка певчая 143

Три судьбы. Таня — охотница на гражданина 147

Три судьбы. Маша — жена на прицепе. 151

Новые парни на квартале 157

Стать известным! 158

Письмо четвёртое, к В.Я.

Поздняя осень '2023. 163

1997–2000. Нечаянная Радость 166

Нечаянная радость 166

Ты соскучился? 170

Мастер улыбок 172

Не дети подземелья	176
Дороги, которые мы выбираем (Time In & Time Out). . .	181
Зима 1998-го — каникулы Бонифация	184
Весна 1998-го. Перемена мест слагаемых.	188
Осень 1998-го. Не боги горшки обжигают	191
Весна 1999-го. Развод караула	195
Ах, эта свадьба!	200
Лето 1999-го. Безработица — сволочь	203
Книга — источник знаний	205
Чикаго'2000	209

Письмо пятое, к М.Т.

<i>Январь '2024</i>	216
-------------------------------	-----

Гражданин Менеджер 219

2000. Неоконченная перепись	219
Альтшулер в гостях у Хемингуэя	223
Папы всякие нужны!	226
А не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?	228
2001. Право на труд.	231
2002. Острова в океане	236
2003. Парад Роз	239
Green Card и жёлтая карточка.	242
2005. Увидеть Париж	246
2006. Восточный экспресс	250
2006. Welcome on Board!	252
Бублики и донатсы	254
Стоят мосты, стоят вокзалы. Могу назвать вам адреса. .	258

Письмо к женщине

<i>в День любви — 14 февраля 2024</i>	261
---	-----

Дорогой Читатель!
Ты держишь в руках книгу, искреннюю и ироничную, которую я прочёл на одном дыхании. Её автор — литератор и журналист, свои первые два сборника коротких рассказов издал в Украине в наши с ним молодые и беззаботные восьмидесятые, и оба были отмечены премиями сатирического журнала «Перець». Его третья книга — «Стрибок у невідомість» («Прыжок в неизвестность») — оказалась для Олега как раз прыжком в известность, её тираж превысил сто тысяч экземпляров. В середине девяностых, будучи автором уже четырёх книг, сотен сценариев телепередач, мультфильмов, Олег неожиданно для всех поставил точку в своих литературных трудах и поменял страну проживания. Причём неожиданным его решение оказалось даже для властей той страны, куда он поехал. Когда я спросил его, почему он так поступил, Олег сослался на первые строки из американской Декларации Независимости: «Все люди наделены неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью». «А раз так, — продолжил Олег, — если я почувствовал, что для счастья мне нужно прожить часть жизни в другой стране, то никакое правительство не вправе мне в этом отказать».

Однако правительство страны, которую Олег выбрал для своего нового места жительства, считало, что стремление к счастью необходимо предварительно оформить соответствующими бюрократическими процедурами. Из-за разницы в трактовке преамбулы Декларации и родилась

история, авантюрная и лирическая, жизнеутверждающая и оптимистичная, несмотря на трагические события, послужившие толчком для её написания. Автор показывает, что если верить в себя и идти настойчиво к своей цели, то найдутся люди, которые протянут вам руку. И сложатся обстоятельства, которые помогут осуществить вашу мечту, какой бы недостижимой она вам ни казалась в начале пути.

Геннадий Костовецкий,
писатель-сатирик,
член Союза писателей Израиля

...Кто ошибётся, кто угадает,
разное счастье нам выпадает.

М. Танич

От автора

Настоящим подтверждаю, что всё нижесказанное описано мною таким, каким увидел его я, и изложено с максимальной правдивостью, искренностью и аккуратностью. Некоторые имена изменены исключительно для конфиденциальности частных лиц и для защиты свидетелей моих походов от возможного судебного преследования. Но все публичные люди названы такими, какими они есть. Все события в моём рассказе произошли со мной на самом деле, и все кажущиеся совпадения с художественным вымыслом являются случайными.

Чтобы быть предельно точным, ничего не додумывать и не полагаться на обманчивую память, я, перед тем как начать своё повествование, достал мои старые дневники и письма и с радостью обнаружил, что в них сохранился не только событийный ряд, но и нерв и эмоции текущего момента. Так что вместо мемуаров, от которых всегда отдаёт некрологом, я попробовал создать реконструкцию ушедших десятилетий, подобно тому как шотландские биологи клонировали в 1996 году весёлую овечку Долли. Надеюсь, я сумею передать это живое дыхание времени тебе, читатель.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ, К Л.Б. ДЕКАБРЬ '2022

Привет, открыл Телеграмм и увидел там сообщение от тебя. Всего несколько слов: «С добрым утром!» И фотография элегантной чашечки с дымящимся напитком. Твоя виртуальная утренняя чашечка кофе согрела и вдохновила. К сожалению, сегодня я не могу разделить её с тобой, как когда-то...

На тысячи миль разбросала нас судьба. Ты далеко. Но я знаю, что каждое твоё утро может оказаться недобрим. Что после напряжённого дня ты, в холодной квартире, без света, не можешь согреться и элементарно выспаться, потому что каждую ночь звучит сигнал воздушной тревоги.

И каждая ночь уносит чью-то жизнь.

На вопрос «как ты?» ты отвечаешь: «Не до разговоров, используешь каждую минуту, пока есть электричество. Коты мёрзнут. Купила ковёр на пол. Вроде немного теплее стало. Сплю в спортивке на флисе. И это ещё не очень холодно на улице. Эти суки изменили тактику. Они уничтожают инфраструктуру. Собирают много ракет и разрушают наши ТЭЦ...»

И после особо жестокого налёта: «Живы. Но очень страшно!» Я знаю, что эти слова — не признак паники или слабости. Это нормальное чувство человека, любящего жизнь. Но ты — сильная. Ты не уехала, не оставила свой врачебный кабинет. Переводишь деньги на ЗСУ.

А сегодня во время нашего разговора ты услышала щебетание птиц и просишь включить камеру на телефоне и показать, как выглядят моя Бруклинская Америка. И твой интерес к жизни, желание поделиться улыбкой, в то время

когда против тебя и твоей страны ведётся отвратительная и жестокая война, убеждает меня в том, что вас ни устрашить, ни ввергнуть в панику и отчаяние. Я благодарен вам за проявленное достоинство и силу характера. Я горжусь вами и моей сопричастностью вашему вызову и вашей стойкости.

И пока не разрядилась батарейка в твоём мобильном телефоне, ты со мной хотя бы *offline*. И я хочу развлечь тебя, увести от реалий бесконечной чёрной ночи. И раз ты сказала вчера, что тебе было бы интересно это услышать, я попробую вспомнить несколько эпизодов из моей американской жизни.

TERRA INCOGNITA

Глас Голоса Америки

Но сначала о том, что заставило меня тридцать лет назад оставить каштаны в цвету, съёмочные павильоны УкрТВ и свою пишущую машинку, на которой я строчил сценарии теле- и радиопередач, покинуть свой родной уютный Киев, где я был в меру успешен и счастлив, и устремиться в неведомое и рискованное испытание.

Ну, во-первых, это был шанс взять себя на слабо, прожить другую, новую жизнь и в один отпущенный Провидением срок уложить две очень разные судьбы.

Во-вторых, мне всегда очень хотелось, прежде чем умереть, услышать крики чаек и скрип канатов на причалах Занзибара. Ощутить волнующую магию танца живота в ночных заведениях Каира. Вдохнуть ароматы рынка пряностей в Стамбуле. А больше всего запало мне в сердце увидеть загадочный бананово-лимонный Сингапур, воспетый гипнотизирующим голосом не менее загадочного Вертинского.

Но интересно, что Америка не казалась с высокой Владимирской горки таким уж *Сияющим Градом на Холме*. Прочитанные книги и путевые заметки рисовали образ не слишком романтической страны, где смыслом жизни стало зарабатывание денег. А это было не моё. *Life is too short* — жизнь слишком коротка, чтобы откладывать её радости на *потом*, которое может никогда не наступить. В басне про Стрекозу и Муравья мои симпатии были не на стороне скаредного трудяги. То есть я был не против съездить в Америку, но не навсегда, а так, чтобы *на поезде, со всеми остановками*, пересечь американский континент от Атлан-

тического до Тихого океана. *Увидеть Миссисипи с хижиной дяди Тома на пологом берегу. Ну и, в завершении, из окна бронированного туристического автобуса посмотреть на небоскрёбы Вавилона на Гудзоне — небезопасного, но завораживающе-фотогеничного Нью-Йорка.*

Однако... шли годы, а на билет до Сингапура насобирать никак не получалось. А внутренний голос всё настойчивее подсказывал, что надо брать пример с Колумба и прокладывать путь в экзотические страны Востока, плывя на Запад. Потому что только Америка могла реально дать достаточное количество твёрдой валюты для дальних странствий. А также знание английского языка, на котором говорят в Сингапуре, да и в Занзибаре наверняка тоже можно кое-как объясниться.

Решение поднимать паруса утвердилось окончательно, когда к внутреннему голосу добавилось воспоминание о давнем репортаже «Голоса Америки». Когда я был школьником, мой отец по вечерам слушал *вражеский голос* из трофейного «Грюндига». Я отрывался от таблицы умножения и прислушивался. Прислушиваться приходилось, потому что «Голос» глушили. Но он всё-таки пробивался сквозь непрерывный гул и треск эфира и поведывал удивительные вещи. Например, однажды мы узнали, что на автомобильном заводе Форда рабочий на конвейере зарабатывает в час на две курицы!

Формально «Голос» не лгал. Но не всё познаётся в сравнении. В Союзе на двух цыплят мой папа работал целый день, да ещё и час в очереди надо было постоять. Зато квартиру он получил даром, как бонус на работе. В Америке на пару напичканных гормонами и антибиотиками *chickens* (цыплят) пролетарию за час работы и вправду заработать не проблема. Но... не курицей единой живёт человек... А на доллары, которые я плачу сегодня за *rent* моего one bedroom апартаменты (квартира с гостиной и одной спальней), я бы мог купить больше *chickens*, чем их производит целая птицефабрика.

К тому же дьявол прятался в деталях. В деталях перевода. Журналист «Голоса» лукаво подал *rotisserie chicken* (цыплёнка-гриль) из Walmart'a как *курицу* (по англ. *hen*,

а эта птица высокого полёта, она вам и в Америке влетит в доллар.) Поэтому мы-то с папой, услышав про двух куриц в час, живо представили себе не посиневших ошипанных цыплят из ближайшего гастронома, а пару откормленных хохлаток-несушек на киевском Центральном рынке, которых милая бабушка радостно отдаёт нам за час папиной отсидки в проектной конторе. И это впечатляло. И вселило надежду, что, переминаясь с ноги на ногу денёк-два у американского конвейера, можно заработать на билет в эконом-класс на Сингапурские авиалинии.

И так «Голос Америки» стал Гласом Судьбы.

Время больших лотерей

На дворе стоял 1994 год. Это было время больших перемен и лотерей грин-карт. Новые страны возникали так стремительно, что типографии не успевали печатать их паспорта. Американскую визу мне поставили в заграничный паспорт СССР, страны, которой к тому времени уже не существовало. На первой странице паспорта поверх слова «СССР» стояла жирная печать: «Украина».

«Железный занавес», столько десятилетий отгораживавший нас от остального мира, пал. Однако тут же возник достаточно прочный электронный занавес вокруг стран «золотого миллиарда». Пробриться туда легально можно было, только притворившись беженцем или выиграв в лотерее грин-карт.

С моей славянской национальностью и многолетним сотрудничеством с провластными СМИ (за отсутствием любых других СМИ в СССР) шансов на получение статуса беженца не было. Участие в лотерее также было бесперспективно. Счастливый билет мне не удавалось вытянуть даже на экзаменах. А в считалках, которые вела на наших малых детских ассамблеях моя кузина и моя первая тайная любовь Маргарита, мне всегда выпадало быть не королём или королевичем, а в лучшем случае сапожником или портным.

На семейном совете моя жена, которая была мотором и душой нашего переезда в Америку, мой сын-студент

и гимназистка дочь решили, что хоть тушкой, хоть чучелом, но ехать надо. Согласно тщательно продуманному плану, жена и сын должны были выдвинуться первыми и захватить плацдарм. Жена была хорошо знакома со швейной машинкой. А сын был в расцвете сил и способностей. Поэтому у них был шанс найти подработку и без права на работу.

На меня особых надежд не возлагалось. Особенно после того, как я дважды провалил экзамен на вождение. На третью попытку сдать на шофёрские корочки я пошёл с женой. Мы сели в машину, и жена, согласно предварительной договорённости, положила на заднее сидение сумку с двумя бутылками коньяка. Я сел за руль и осторожно объехал вокруг здания автошколы.

— Вы собираетесь здесь водить? Или это вам для заграницы? — поинтересовался инструктор.

Я горячо заверил, что родному городу ничего не грозит. Инструктор тяжело вздохнул:

— Ну что с вами делать? Ладно, раз вы здесь ездить не будете, возьму грех на душу...

Получив права, я написал письмо в Нью-Йорк. Там жил мой кузен, и я попросил его выслать мне гостевую визу. Он согласился при условии, что я не стану у него гостить. Сразу скажу, что я ни в коем случае не хочу упрекнуть моего дорогого двоюродного брата в негостеприимстве. Наоборот, он в нашей семье получил вождеденный синий паспорт одним из первых, и через его one bedroom apartment в бруклинском Бэнсонхёрсте долгие годы пролежала настоящая тропа Хошимина, по которой один за другим переходили в страну заходящего солнца его вновь обнаруживающиеся братья и сёстры. Но наконец и ему захотелось хоть немного *privacy*.

По нашему плану, мне досталась роль верблюда. То есть я должен был, замыкая караван, перевезти в Америку дочку, кошку и попугая.

План сработал без единого сбоя. Жена первой улетела в Нью-Йорк, по бизнес-визе. Вслед за ней в *Terra Incognita* по студенческому обмену отправился сын... Я остался вдвоём с моей с каждым днём взрослеющей дочкой. Ей уже не

надо было, как прежде, во время длительных командировок жены, заплетать косички, отправляя в школу. Поэтому я катал нам на завтрак ленивые вареники и отправлял дочку в гимназию. А оставшись один, пытался разобраться в бесчисленных временах английских глаголов. В мои сорок восемь лет все эти *Past Perfect* и *Future Continuous* казались посложнее бинома Ньютона.

В те далёкие годы уезжающим за кордон не говорили «до свиданья». А ставили песню «Америка-разлучница» и прощались без особой надежды услышать когда-либо вновь знакомый голос. Потому что международные телефонные разговоры можно было вести только в особых пунктах международной связи. Минута разговора стоила неподъёмных денег.

Мы с дочкой писали письма. Как-то раз через знакомую стюардессу нам передали кассету для магнитофона. Голоса жены и сына на кассете звучали бодро. И, тяжело вздохнув и перекрестившись, я отправился в американское посольство за визой.

Незванный гость

Американцы — люди открытые, и если в чём-то преуспели, они на склоне лет нередко садятся за лэптоп и без утайки делятся рецептами своего успеха. Как писал в статье «Семнадцать правил жизни» Джон Рокфеллер, «Я могу отчитаться перед обществом за каждый заработанный мною миллион... кроме, конечно, первого». Ну а я решил пойти дальше Рокфеллера и отчитаться перед тобой даже за свой первый миллион (тем более что второй миллион я в Америке пока не заработал, а первый уже потратил).

И ещё отчитаюсь о каждом интервью с иммиграционными властями. Кроме, конечно, первого. Мой разговор с сотрудницей посольства США в Киеве, куда я пришёл за въездной визой, оставляю твоему воображению, сославшись на пятую статью американской Конституции.

В 1994-м супругов, едущих *не* на ПМЖ, впускали в Америку только по одному, опасаясь, что они станут невоз-

вращениями. Поэтому я опасался, что мне откажут в визе, раз моя жена находилась в США. Но, вопреки опасениям, гостевую визу я получил достаточно легко. Возможно, помогло то, что мы с женой получали заграничные паспорта в разное время. И разные паспортистки написали латиницей наши фамилии по-разному.

Таким образом в посольском архиве мы оказались даже не однофамильцами, и они не заметили, как целая семья пытается пробраться в их чудесную страну. (А может, просто не первой молодости литератор, без трудовых мозолей на руках, не владеющий английским, не внушал подозрений, и в посольстве подумали, что уж кто-то, а я точно не из тех, кто захочет остаться в Америке без права на работу и средств к существованию.)

Но они меня плохо знали. Получив визу, я остановил все свои литературные проекты и предупредил режиссёров моих авторских радиопередач и телесериала, что я улетаю всерьёз и надолго.

Поскольку не было ясно до конца, как пройдёт мой *День D* (америк. нариц. — *день начала важной операции, напр. высадки американского десанта в Нормандии 6 июня 1944 г.*), продавать квартиру и что-либо в квартире заранее я не стал. Да и, честно говоря, я не очень умел это делать. Увлечённый своим творчеством, я всегда эгоистично перекладывал решение всех практических вопросов на свою жену. А в этот год было много заказов, и я выезжал на съёмки и монтировал уже снятое до самого отъезда.

Так, облегчив себе жизнь, я пошёл к нотариусу и заверил генеральную доверенность на владение всем моим имуществом. Подписывая стандартный бланк, я уточнил у молодой женщины-нотариуса, позволит ли этот документ указанному в нём лицу продать мою квартиру и дачу без моего присутствия.

— Если вы *хотите, чтобы так случилось*, то именно это вам и надо! — ответила она и улыбнулась какой-то странной зловещей улыбкой.

Я слегка насторожился, но продолжил паковать чемоданы и собирать справки на вывоз домашних питомцев. Кошке Маше таможня дала добро, и она отправилась в путе-

шествие официально. Попугай Гоша полетел нелегалом. Запакованным головой вперёд в тубусе. Ему перелёт дался нелегко, и, увидев Америку, он на несколько дней потерял дар речи.

Отъезд напоминал известную юмореску «Проводжали в армию Петра» Степана Олейника. В последний день я пригласил к себе остающихся друзей, а когда за мной подъехала машина, торопливо обнялся со всеми и вышел из квартиры, не запирая дверь. Провожать меня в аэропорт и подстраховать на случай проблем с животными поехала только моя генеральная доверенная, моя дорогая *sister in law* (невестка). Остальные продолжили так хорошо начавшуюся вечеринку.

В аэропорту Нью-Йорка нас с дочкой встречала... моя семья. Мы провели первый совместный семейный ужин в нашей американской квартире, которую жена и сын сняли к нашему приезду (первые полгода они ютились у моего кузена-визодарителя). Этот день — 1 декабря 1994 года — стал моим вторым днём рождения. И это был настоящий хэппи-энд.

One way ticket

На следующее утро оказалось, что не всё так однозначно. Долг за квартиру превышал сумму, которую мы привезли с собой в качестве стартового семейного капитала. И то, что поначалу выглядело как хэппи-энд, оказалось на поверку *end of happy*. За полгода нашей разлуки много воды утекло. Сын какое-то время проработал на фабрике грузчиком. Но затем стартовал собственный бизнес. Он уже чувствовал себя созревшим для самостоятельной жизни и ходил с бипером¹. Моя жена какое-то время проработала в локальном

¹ Сейчас уже мало кто помнит этот самый первый гаджет эпохи мобильной связи, телефон без трубки. Когда кто-то хотел связаться с вами, он набирал номер бипера, тот начинал «бипать» у вас на поясе, а на миниатюрном дисплее высвечивался телефон звонящего. Вы шли к ближайшему телефону-автомату на улице и набирали пробипанный номер.

alteration, подшивала чьи-то юбки и pants (панталоны), пока ей не сделали предложение, от которого было почти невозможно отказаться. И она оставила невесёлую работу.

Что касается меня, то надежда найти работу или хотя бы подработку в какой-либо из русских нью-йоркских газет или на русском ТВ умерла первой. Немногочисленные штатные должности оказались заняты, и расступаться у кормушки перед залётным новичком никто не пожелал. Единственная газета на украинском языке издавалась в соседнем Нью-Джерси. Но и там на мой звонок кратко ответили: «*No vacancy*».

— Я сделала для тебя всё что могла, — холодно произнесла жена, узнав об итогах обзвона нью-йоркской периодики. — Нашла телефоны твоих друзей и знакомых, живущих здесь. Позвони им. Попроси помочь с работой... А вообще, посмотри на себя со стороны. В твоём возрасте ты здесь никогда не устроишься, даже продавцом или официантом...

В Киеве у нас случались финансовые трудности. Я не всегда вёл себя как святой. Иногда делал глупости. Но схожесть ценностей и целей, активное времяпровождение и общение с неординарными, талантливыми людьми поддерживали интерес к совместной жизни. Когда же моя жена увидела меня в Новом Свете в новом свете, потерявшего социальный статус и перспективы найти реальный заработок, этот интерес погас¹.

Я позвонил своему кузену визодарителю и поделился своими невесёлыми мыслями. «Я бы на твоём месте повесился!» — посочувствовал он.

Недалеко от нашего дома был небольшой парк. Несмотря на мрачноватое название, *Dead Owl Head* (*Голова Мёртвой Совы*), парк был уютным, живописным и family friendly (приятный для семейного отдыха). Я решил пробежаться в этом парке, чтобы привести в порядок мысли и разрядить стресс. Поднялся на пригорок, с которого отрывался вид на Манхэттенский даунтаун и Статую Свободы. Присел на ска-

¹ Когда-то, снимая в телепередачах рискованные номера, я призывал зрителей их не повторять. Так и я призываю своего читателя: не надо ехать, как я, на ПМЖ на авось. И уж тем более не рассчитывайте повиснуть там в пылких и бессрочных объятиях на любимой (любимого) шее.

мейку. Вспомнил недобрую улыбку нотариуса при оформлении доверенности на моё имущество в Киеве. И попробовал посмотреть на себя со стороны, оказавшимся с билетом в один конец в чужой стране. Одиноким. Немолодым и не таким уж здоровым. Без языка. Без вида на жительство. Без права на работу. Без какой-либо реальной профессии.

И я почувствовал себя в многомиллионном городе одиноким и заброшенным, как Робинзон Крузо на необитаемом острове.

«Но ведь Робинзон выжил!» — подумал я, вставая со скамейки. И продолжил свой американский марафон...

Хорошо от Immigration

Я наверное, должен был пойти домой и уладить все дела с моей *мисс*. Но я не стал. Это мой недостаток. Я не люблю выяснять отношения, если я чувствую чьё-то отчуждение. И предпочитаю держать рот на замке и ждать, пока мне не протянут руки. Но это не всегда лучшее решение. Ваше молчание может быть расценено как безразличие. А жизнь продолжается, и мы отдаляемся друг от друга, и мы действуем каждый по своей логике, и в какой-то момент мы уже проходим точку невозврата.

Теперь я смиренно и искренне осознаю это, но тогда я замкнулся и ждал. И, возможно, я упустил шанс. А возможно, шанс уже был упущен... В любом случае, довольно быстро из ячейки государства моя семья превратилась в содружество четырёх независимых roommates (соседи по комнате). Ожидая, что эмиграция укрепит наш союз, я недооценил риски шоковой терапии.

При том мы продолжали общаться и даже, как могли, поддерживали друг друга. Так, моя дочь всё лето провела в школьном лагере, но мы не платили за лагерь ни цента. Дочь там работала на кухне. И, возвратившись после трудовых каникул домой, привезла несколько сот долларов. Этот немалый по нашим тогдашним меркам заработок она, колеблясь, отдала на оплату моего визита к дантисту. Сын первые несколько месяцев оплачивал рент нашей общей

квартиры. Моя жена, будучи наездами в Украине, помогала в моих попытках легализации, она провела, без преувеличения, огромную работу, собирая в киевских редакциях и творческих союзах рекомендательные письма и справки.

Это был наш первый опыт жизни по-американски. Здесь в случае проблем в личной жизни или аварии на работе не начинают с вопроса «Кто виноват?» Необходимость выжить плюс каждый месяц найти триста долларов, чтобы заплатить за комнату, заставляла концентрироваться на вопросе «Что делать?» Сегодня эта сумма — три сотни баксов ежемесячно — кажется не такой уж большой. Но в те годы это было для меня целым состоянием.

По моей гостевой визе я мог полгода жить и передвигаться по Америке. Но время бежало быстро, и я искал возможность получить статус постоянного жителя, пусть даже без права на работу. Я подал прошение на аккредитацию в качестве собственного корреспондента украинских периодических изданий. Меня хорошо знали в киевских редакциях, и бывшие коллеги пошли мне навстречу и охотно прислали рекомендации и подтверждения. Я ведь не просил ни у кого зарплату. А иметь собкора в Америке им было даже престижно.

Я предоставил в пресс-клуб Нью-Йорка целый ворох документов и справок. И, ожидая положительного решения, начал писать свои американские репортажи. Писал от руки, пристроившись на радиаторе. Не было ни пишущей машинки, ни письменного стола. Но был энтузиазм и драйв. Я сохранил один из этих моих ранних репортажей, опубликованный в сатирическом журнале «Перець». Задорный, познавательный, может быть, слегка наивный с позиции сегодняшнего дня, до сих пор приятно его перечитать...

К сожалению, этот путь оказался тупиковым. Не помогла даже с трудом добытая рекомендация из украинского посольства в Вашингтоне. В пресс-клубе в Нью-Йорке в легализации мне отказали. Они объяснили, что мне следовало оформить аккредитацию через *immigration do* выезда из Украины.

Отказ в аккредитации, при всей его горечи, был подслащён первой тактической удачей в моей борьбе за право жить там, где я хочу. По наущению одного из друзей, я написал письмо в *Immigration (INS—Immigration & Naturalisation Service)* с просьбой продлить мою визу. Поскольку у меня неожиданно обнаружили новые родственники в далёкой Калифорнии, и я просто не смогу дальше жить, не повидавшись с ними.

Я сам перевёл письмо на английский, пользуясь словарём Мюллера на шестьдесят тысяч слов, 1951 года издания¹. Словарь достался мне от родителей, с ним я выполнял школьные домашние задания по английскому. Обычно нам задавали перевести пару абзацев (пятьсот знаков) из газеты английских коммунистов *Morning Star*. Тексты были такими же серыми, как и газетная бумага, на которой они печатались. Но мне нравился сам процесс, я как будто решал головоломку. И получал за эти упражнения не ниже четвёрки.

К моему удивлению и радости, за свою домашнюю работу для *Immigration* я тоже получил оценку «хорошо». К моему шестимесячному сроку добавили ещё шесть месяцев, с условием, что следующее упражнение по английскому я выполню за пределами Соединённых Штатов.

Одноэтажная Америка

Лет в четырнадцать мама преподала мне урок американской географии, который я запомнил на всю жизнь. Молодой, да ранний, я считал себя эрудированным и разбирающимся в политике и географии. И вот как-то я прочёл в газете «Правда» об некоем опросе, показавшем, что

¹ Снова хочу предупредить потенциального читателя: не повторяйте мой рискованный эксперимент. Сочиняя письмо в *Immigration*, не пользуйтесь словарём Мюллера и переводчиком Google. Доверяйте только лицензионному переводчику, чтобы не попасть в ситуацию, в которой оказался я, с легализацией, как Famous Person (об этом в моём третьем письме).

треть американцев считают столицей Советского Союза Петербург.

Потрясённый неграмотностью рядовых американцев, я подбежал к маме. «Мам, ты представляешь, что американцы...» — и зачитал ей газетную заметку. «Да-а, — сокрушённо покачала головой мама... — А ты, кстати, знаешь столицу Америки?» Я гордо вскинул голову: «Мама! Ну конечно, знаю, столица Америки — Нью-Йорк». — «Ну вот видишь, ты ведь тоже не знаешь. Столица Америки — Вашингтон...»

Сегодня, в век информации, туристы, стекающиеся со всего мира в Город Большого Яблока, наверняка знают, что это *не* столица Соединённых Штатов. Но они едут в Нью-Йорк, чтобы увидеть самый американский город в Америке, и покупают в сувенирном магазинчике футболки с надписью *NYC (New York City)* на фоне звёздно-полосатого флага. И будут удивлены, если узнают, что американцы стремятся в тот же *NYC*, чтобы увидеть самый не-американский город их страны. Что-то экзотическое и совершенно непохожее на их привычный уклад. И, уезжая, покупают в той же лавке на память футболки с надписью «*I survived my trip to NYC*» (*Я выжил после моей поездки в Нью-Йорк*).

Что до меня, то о том, что настоящая Америка лежит за пределами *Belt Parkway (Нью-йоркская окружная дорога)*, я узнал, когда прочёл купленный за пятьдесят копеек (стоимость двух бутылок пива) на книжной толкучке в Киеве потрёпанный томик Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Прочёл *его*, но до конца не поверил. Мне было за двадцать, и я в этом возрасте уже меньше доверял советским журналистам. И мои подозрения оправдались, Ильф и Петров сознательно принизили Америку. А может, Америка со времён Ильфа и Петрова подросла. Но как бы то ни было, когда я впервые попал в *настоящую* Америку, она оказалась двух-, а иногда даже трёхэтажной.

Попал я туда, конечно, не за тем, чтобы проверить правдивость книжки. А чтобы встретиться с моими друзьями юности, Грегом Л. и Жорой Л., которые жили уже несколько лет в *Garden State* (Садовый Штат — прозвище Нью-Джерси). Мы познакомились, когда нам было пятнадцать. Мы сидели вместе на лекциях в техникуме, обретали мужской опыт

на так называемых «хатах», иногда отбивали друг у друга девчонок, но продолжали дружить и встречаться, уже семьями, до самого их отъезда. Жора женился первым из нас и повёз в эмиграцию сына, который был уже выше его ростом. Сын в Америке ещё в колледже проявил способности программиста и, устроившись на хорошую работу сам, привёл в свою фирму папу. Жора ещё в техникуме поражал нас феноменальной памятью, называя без запинки маршруты всех киевских трамваев, так что неудивительно, что он оправдал рекомендацию сына.

Грег в Киеве трамваем не пользовался. Его жена Тая была на восемнадцать лет моложе Грега, они расписались перед самым выездом. Так что замолвить за него словечко было некому. Поэтому, пока Тая подтверждала диплом доктора, он подрабатывал чтением лекций по пользованию персональным компьютером на курсах для вновь прибывших. И всё больше интересовался высокими материями, то есть теологией и эзотерикой.

Наша фиеста началась в семейном гнёздышке Грега, он с Таей поселился в *тауншипе* (городке) West Caldwell в Excess County, куда я добрался междугородним автобусом, с двумя пересадками, только к вечеру. Городок поразил звенящей тишиной и отсутствием тротуаров. Грег и Тая ещё не успели купить себе дом. И до поры снимали апартамент, собственно, целый второй этаж выдавшего виды коттеджа. Когда я спросил Грега, сколько у него комнат, он задумался и начал загибать пальцы. Чтобы пересчитать все комнаты, с трудом хватило пальцев на двух руках. Мы сели за стол в просторной гостиной. При том, что Грег не был большим поклонником круизов и морских путешествий, гостиная напоминала зал областного художественного музея, посвящённый местному художнику-маринисту. На стенах висели полотна в рамах с изображением парусников. Гордо реяли буревестники. Но буря, видимо, прошла стороной. Волнение моря, как и качество живописи, были не выше трёх баллов. Я раньше не видел подобной домашней галереи, кстати, типичной в living room (гостиная) больших американских загородных домов. И в полной мере наслаждался искусством, угощением и дружеской беседой.

Олег Славин родился в 1945 году в г. Львове. После окончания Киевского инженерно-строительного института занялся построением сюжетов юмористических рассказов. Работал на телевидении. Затем литератором-домушником. С 1994 года проживает в США. Работал где придётся. Отдыхая за рулём, ездил направо (ЕС, Северная и Южная Америка) и налево (Англия, Новая Зеландия, Таиланд). Не состоял, но состоялся. Не привлекался, хотя было за что. Любит рисковать, а также детей и односолодовый виски. Не любит *all inclusive resorts* и бюрократов без чувства юмора. Благодарит всех *первоочительниц и почитателей* за советы и замечания, а также вдохновляющую поддержку во время написания этой книги.

Это ироничная и почти детективная история об упорной и не всегда законопослушной погоне за американской мечтой уже немолодого интеллигента, оставшегося в незнакомой стране без права на работу и средств к существованию. И ещё это книга о любви: автор рассказывает свою историю в диалогах с близкими ему в прошлом женщинами, оказавшимися в центре жестокой войны.

ISBN 978-1-960533-37-1

